

КАЛЕЙДОСКОПЪ МИНУВШАГО,

Среди артистовъ.

I.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

ВЪ КРОВИ! Въ крови! — вытягивая руки впередъ и неистово потрясая ими, вопилъ не своимъ голосомъ, трагически маршируя по комнатѣ, десятилѣтній румяный мальчикъ съ ясными глазенками и упрямыми вихрами въ густой щеткѣ каштановыхъ волосъ.

— Да перестань ты ради Создателя, Саша, — жалобно говорила мать — ей-Богу, ты меня въ гробъ вгонишь: все въ крови да въ крови. Перестань, ради Бога.

Но Саша продолжалъ ходить трагической поступью и неистово кричать: «въ крови! въ крови!»

Розовый Саша съ упрямыми вихрами на головѣ былъ пишущій эти строки.

Моя мать, стариннаго дворянскаго рода Барановыхъ, женщина, несомнѣнно, умная, но совсѣмъ не образованная, пріѣхавъ въ Петербургъ для того, чтобы размѣстить своихъ двухъ сыновей по учебнымъ заведеніямъ, послала меня съ крѣпостнымъ человекомъ Степаномъ (сама была въ траурѣ) въ Александринскій театръ, гдѣ шла тогда съ огромнымъ успѣхомъ трагедія «30 лѣтъ, или жизнь игрока», въ которой потрясалъ петербургскихъ театраловъ знаменитый трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

Не знаю, что руководило моею матерью, отправляя меня смотреть потрясающую трагедію, въ которой игрокъ—Каратыгинъ,—опустившійся до дна, убиваетъ путешественника и на замѣчаніе ребенка: «Папенька, отчего у тебя руки въ крови?» потрясалъ не только наивныя сердца, но даже самыя театральныя стѣны крикомъ: «Въ крови! Въ крови!»

Было ли со стороны матери затаенное намѣреніе отвратить меня съ малыхъ лѣтъ отъ картежной игры, или просто желаніе доставить ребенку удовольствіе,—не знаю, но игра могучаго трагика такъ подѣйствовала на воспріимчивое воображеніе ребенка, что я едва ли не цѣлую недѣлю отравлялъ жизнь матери, изображая изъ себя Каратыгина и неистово вопя: «Въ крови! Въ крови!»

Такимъ образомъ, съ десяти лѣтъ я уже сдѣлался театраломъ, и, конечно, фанатическимъ поклонникомъ Каратыгина. Да и было отъ чего. Трудно себѣ представить человѣка, болѣе подходившаго къ ролямъ трагика, особенно въ трагедіяхъ былаго времени: колоссальный ростъ, атлетическое сложеніе, могучій голосъ, красивое выразительное лицо, тщательно выработанная умѣренность широкаго жеста и самая внимательная разработка ролей, самое добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу,—все было въ этомъ несравненномъ трагикѣ былаго времени. Реалисты, правда, упрекали его за нѣкоторую ходульность и предпочитали ему московскаго Мочалова, котораго я ни разу не видѣлъ даже въ дѣтствѣ и даже, вѣроятно, отказался бы видѣть, до такой степени считалъ кощунствомъ уподобленіе кого бы то ни было несравненному Каратыгину.

Кромѣ его образа, въ душу мою занала игра жены игрока—госпожи Дюръ, которую въ третьемъ, кажется, дѣйствіи онъ, какъ перышко, схватывалъ на руки и вмѣстѣ съ нею выпрыгивалъ въ окно. Самое искреннее негодованіе возбуждалъ также «ложный другъ»—Брянскій, всегдашняя и неблагодарная обязанность котораго была играть подлыхъ людей, что не мѣшало ему быть прекраснымъ актеромъ и, какъ говорятъ, такимъ же прекраснымъ человѣкомъ. Но всю жизнь свою, на сценѣ, дѣлая по обязанностямъ службы всевозможныя гадости, какъ «ложный другъ» Каратыгину, онъ и по смерти оказалъ ему, и особенно его почитателямъ, совсѣмъ ужъ плохую услугу: похороны Брянскаго были зимой въ морозную бурную погоду; Каратыгинъ безъ шапки провожалъ товарища, схватилъ воспаленіе мозга, и этотъ колоссъ черезъ недѣлю уже лежалъ въ гробу безмолвный, недвижимый.

Я такъ былъ потрясенъ его смертію,—мнѣ было тогда лѣтъ четырнадцать,—что просто не хотѣлось вѣрить въ возможность отсутствія на сценѣ «великаго» Каратыгина.

— Да кто же будетъ играть его роли?—спрашивалъ я—Что же будетъ съ театромъ?

Такое же отчаяніе, но, конечно, несравненно въ еще большей степени овладѣло мною, уже шестнадцатилѣтнимъ юношей, когда, вслѣдъ за первымъ молебномъ о здоровьи внезапно заболѣвшаго императора Николая Павловича, пришло извѣстіе о его кончинѣ.

«Да какъ же такъ, да что же будетъ съ Россіей?»—думалъ я въ отчаяніи, чуть не ломая себѣ руки.

Только въ старости приходишь къ убѣжденію, что нѣтъ безвыходныхъ положеній, что все «образуется» по выраженію слуги незабвеннаго Стивы («Анна Каренина»).... Каратыгина замѣстилъ Леонидовъ. Замѣстилъ, но, конечно, не замѣнилъ, и образъ Каратыгина въ «Купцѣ Иголкинѣ», въ «Кларѣ д'Обервилъ» и особенно въ «Денщикѣ» и «Прокопіи Ляпуновѣ» до сихъ поръ живетъ въ моемъ воображеніи.

Почти ребенокъ, я не могъ, конечно, судить, ходуленъ Каратыгинъ, или нѣтъ, но знаю, что когда бунтующій народъ съ криками: «смерть Ляпунову», наступалъ къ его дому и Каратыгинъ въ красной рубашкѣ смѣло вышелъ на крыльцо, то вся масса, кричавшая: «смерть Ляпунову», такъ и отхлынула отъ его колоссальной фигуры, отъ его потрясающаго голоса, и это казалось до такой степени естественнымъ, что и быть не могло иначе: очень ужъ импозантная фигура появилась на высотѣ крыльца передъ ничтожной чернью.

Такое же неизгладимое впечатлѣніе, именно своей фигурой и своимъ голосомъ, производилъ Каратыгинъ въ «Денщикѣ», знаменитой въ свое время драмѣ Кукольника. Здѣсь онъ гримировался Петромъ Великимъ и своей фигурой, голосомъ и величіемъ жеста давалъ полную иллюзію личности суроваго преобразователя-самодержца.

II.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Вспоминая знаменитаго трагика Василя Андреевича Каратыгина, нельзя обойти молчаніемъ его младшаго брата, Петра Андреевича, дожившаго до самаго конца семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и, въ былое время, одного изъ самыхъ популярныхъ лицъ не только императорской сцены, но и всего Петербурга.

Петръ Андреевичъ былъ не лишеннымъ дарованія актеромъ на роли комиковъ и резонеровъ, но главнымъ образомъ славился какъ авторъ наиболѣе остроумныхъ водевилей своего времени, безъ которыхъ не обходился ни одинъ спектакль, ни одна драма, ни одна трагедія. Всякій спектакль заканчивался, а иногда и начинался (для съѣзда, какъ говорилось) непременно водевилемъ, и вотъ величайшимъ мастеромъ водевилей былъ Петръ Андреевичъ.

Это былъ остроумнѣйшій человѣкъ, совершенно свободно владѣвшій стихомъ и отличавшійся притомъ безукоризненной корректностью, уважаемый за кулисами и часто приглашаемый въ самое лучшее общество для режиссированія домашнихъ спектаклей. Незадолго до его смерти я, имѣлъ случай познакомиться съ Петромъ Андреевичемъ, именно въ роли актера, когда онъ былъ приглашенъ режиссировать домашнимъ спектаклемъ въ домѣ Ф. И. Жербина, на Михайловской площади, нынѣ срытомъ.

Самъ всемогущій Николай Павловичъ, покровительствовавшій театру и очень любившій остроумныхъ людей, особенно благоволилъ къ Петру Андреевичу, остроты и *bons mots* котораго, какъ перваго остряка и бонмотиста, ходили по Петербургу.

Николай Павловичъ часто выходилъ за кулисы и призывалъ къ себѣ прославленнаго остроумца. Положеніе было въ высокой степени затруднительное: съ одной стороны, надо было блеснуть остроуміемъ и потѣшить всемогущаго человѣка, съ другой—не перейти извѣстной грани и не заслужить гнѣва человѣка очень щепетильнаго, тогда какъ скользкій путь настоящаго остроумца: «для краснаго словца не жалѣть и отца».

И между тѣмъ Каратыгинъ постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ самыхъ трудныхъ положеній.

Изъ множества ходившихъ по Петербургу каратыгинскихъ остротъ, частью принадлежащихъ дѣйствительно ему, Каратыгину, частью, какъ это бываетъ всегда, приписываемыхъ извѣстному остроумцу, приведу остроту, слышанную мною изъ устъ самого Каратыгина, т.-е. имъ удостовѣренную, свидѣтельствующую о необычайной находчивости прославленнаго остряка.

Извѣстно, что богатый русскій языкъ, именно благодаря своему богатству, не такъ легко поддается остротамъ и разнымъ *bons mots*, какъ сравнительно бѣдный языкъ французскій, въ которомъ иногда одно слово, только иначе написанное, выражаетъ семь различныхъ понятій, что способствуетъ острякамъ жонглировать однимъ словомъ въ разныхъ смыслахъ. И тѣмъ не менѣе въ дореформенное время, подъ вліяніемъ французской культуры, многіе сытые русскіе люди крѣпостного права наполняли свой досугъ изощреніемъ въ остроуміи: остряки, поэтому, среди дворянъ не переводились, не Богъ знаетъ какіе, но все же остряки. Выдѣлялся своимъ остроуміемъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза всего петербургскаго гарнизона и вмѣстѣ добрѣйшій человѣкъ, готовый идти на помощь всякой нуждѣ.

Разъ Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, идетъ въ антрактѣ за кулисы и заводитъ разговоръ съ П. А. Каратыгинымъ. Пользуясь веселымъ настроеніемъ государя, Михаилъ Павловичъ бросаетъ какую-то остроту. Государь смѣется и говоритъ:

— Слышишь, Каратыгинъ? Братъ у тебя хлѣбъ отбиваетъ.

— Я не въ претензіи, ваше величество, — безъ малѣйшей запинки подхватываетъ находчивый острякъ: — лишь бы соль при мнѣ осталась.

Я говорилъ уже, что Петръ Андреевичъ прекрасно владѣлъ стихомъ, легкимъ, не вымученнымъ, воздушнымъ.

Въ началѣ Севастопольской войны, среди всеобщаго патріотическаго подъема, появилось много виршей на тему предстоявшей борьбы, но изъ всѣхъ выдѣлялись стихи Петра Андреевича, хорошо сохранившіеся въ моей памяти. Вотъ ихъ начало:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда жъ:
Машетъ дядюшкиной шпагой,
И кричитъ: *allons, courage!*
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не остаться бъ въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
То племяннику подавно
И вдали не сдобровать... и т. д.

Въ свое время большой репутаціей пользовалось также произведеніе блестящаго остроумія П. А. Каратыгина, появившееся въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Споръ», конецъ котораго, особенно забавный и нисколько не безнравственный, неудобенъ, однако, для печати; но и безъ забавнаго конца игра словами «Спора» дышитъ такимъ неподдѣльнымъ мастерствомъ и веселостью, что хотя начало его заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранила его, когда-то хорошая, моя память. Вотъ оно:

СПОРЪ.

Однажды, въ древности сѣдой,
Въ началѣ вѣка,
О первенствѣ между собой
Заспорили всѣ члены человѣка.
— Никто не отобьетъ мои права—
Кричала громко голова.
Я старше всѣхъ, природа такъ рѣшила
И потому меня высоко помѣстила.
Во мнѣ престолъ души,
Во мнѣ и взоръ, и слухъ, и обонянье,
Даръ слова. Все покорствуешь уму—
На мнѣ лежитъ вѣнецъ созданья.

Во мнѣ все родилось:
Художество, искусства и науки.
— Нѣтъ, голова, стой, не задирай высоко носъ,—
Кричатъ обиженные руки.
Безъ насъ не сдѣлала бъ ты ничего во вѣкъ:
Все, все у насъ въ рукахъ—
Руками все берется.
И что такое человѣкъ,
Когда отъ рукъ онъ отобьется?
Куда ни оглянись вокругъ,
Все—дѣло человѣчьихъ рукъ.
— А мы то что жъ?—вскричали ноги.—
Вы насъ не ставите и въ грошъ,
А вѣдь безъ насъ далеко не уйдешь.
Намъ дайте мѣсто,—прочь съ дороги.
Какъ, напримѣръ, войскамъ безъ ногъ маршировать?
Или въ балетѣ танцовать?
Не будь-ка насъ, такъ вы увидѣли бы сами,
На свѣтѣ все пошло бы вверхъ ногами.
— Пойдите. Споръ у васъ идетъ о пустякахъ—
Тутъ сердце вскрикнуло въ сердцахъ—
Мнѣ, мнѣ отдайте предпочтеніе!
Я двигатель всего безъ исключенія,
Во мнѣ одномъ душа и животворный жаръ,
Всей крови я резервуаръ.
Во мнѣ огонь любви. При мнѣ молчитъ разсудокъ!
— А я то что жъ?—вдругъ заворчалъ желудокъ.—
Нѣтъ, это мнѣ не по нутру...
— Пойди-ка, куманекъ. Вотъ я имъ носъ утру—
Вскричала кумушка сосѣдка...

Забавный конецъ, какъ сказано, для печати не вполне удобенъ. Но и безъ смѣшного конца нельзя не признать въ приведенной шуткѣ очень мѣткаго жонглированія словами и выраженіями, мѣткаго и не вымученнаго.

Изъ другихъ спеническихъ дѣятелей того времени остались въ памяти двѣ сестры Самойловы: Вѣра, младшая, мать Вѣры Аркадьевны Мичуриной, пробывшая на сценѣ недолго и вышедшая замужъ за полковника Мичурина, была красивая, изящная, тонкая актриса, несравненная *grande dame*, но въ драматическихъ роляхъ отдававшая нѣсколько холодкомъ, отсутствіемъ темперамента, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, тогдашніе цѣнители ее упрекали; другая—старшая сестра—Надежда была положительно несравненной водевильной актрисой; она не была красива, даже, пожалуй, была некрасива, но, полная необычайнаго оживленія, веселости и граціи, она положительно увлекала зрителя, чему способствовали также прекрасный голосъ и умѣніе пѣть, а пѣніемъ въ былые времена сопровождался всякій водевиль. Въ роли, напримѣръ, «Дочери второго полка», гдѣ Надежда Самойлова и пѣла, и маршировала, и барабанила, она, въ полномъ смыслѣ слова,

была увлекательна. Вскорѣ за сестрой и она сошла со сцены, выйдя замужъ за Макшеева и не оставивъ преемницы своего несравненнаго сценическаго оживленія. Хорошей водевильной актрисой была также Жулева, но, несмотря на красоту и недурной голосокъ, она далеко не могла увлекать зрителя такъ, какъ несравненная Надежда Самойлова.

Что касается Вѣры Самойловой, то ее съ успѣхомъ замѣнила молоденькая, граціозная, красивая, оживленная, полная темперамента Читау. Мы всѣ, юнцы театралы, были немножко влюблены въ нее, а одинъ товарищъ брата, воспитанникъ института путей сообщенія, написалъ даже «жестокую» драму изъ рыцарскихъ временъ, которую преподнесъ предмету своего обожанія—молоденькой актрисѣ. Но и она пробыла на сценѣ очень недолго—два-три года, и вышла замужъ за губернскаго предводителя дворянства Огарева.

Когда же, двадцать лѣтъ спустя, вслѣдствіе разоренія мужа, Читау вновь поступила на сцену, то ее положительно нельзя было узнать: откуда-то появились манерность, подчеркиванье, крайняя неестественность и полное отсутствіе того искренняго увлеченія, которымъ заражала зрителя молоденькая дѣвушка, Читау. Я, по крайней мѣрѣ, насколько восхищался Читау дѣвушкой, настолько же не могъ переносить манерность игры сорокалѣтней женщины.

Цѣлый рядъ актеровъ и актрисъ проходитъ въ моемъ воображеніи: Самойловъ, Мартыновъ, Павелъ Васильевъ, Сиѣткова 3-я, Брошель, Владимирова, Струйская, несравненная Линская, такіе московскіе корифеи, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, Сергѣй Васильевъ, Медвѣдева, Васильева, Колосова, Акимова. Но все это актеры сравнительно недавняго времени, которыхъ видѣли и помнятъ многіе, почему обрисовку ихъ, какъ и артистовъ современныхъ и ближайшаго къ намъ времени, оставляю до другого раза и временно вновь возвращусь къ воспоминаніямъ ранней юности.

III.

Г. П. Кондратьевъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія наша церковь—Павловскаго кадетскаго корпуса—была въ большой модѣ.

Ее посѣщали люди, особенно дамы, очень хорошаго общества, и преждеосвященныя обѣдни въ Великомъ посту привлекали не только солидныхъ нарядныхъ дамъ, но и оживленные красивыя личики дѣвушекъ, что доставляло намъ, кадетамъ старшаго возраста, не мало развлеченія. Помню, въ одну изъ посѣтительницъ я даже влюбился немного. Какъ юноша предприимчивый, выслѣдилъ ея

квартиру и даже, подъ какимъ-то глупѣйшимъ предлогомъ, предсталъ предъ дамой моего сердца въ ея домашней обстановкѣ.

Она, хотя и замѣтила меня, какъ фельдфебеля старшей, «гренадерской» роты, пристально на нее посматривавшаго, хотя и вскидывала на меня свои красивые глазки, но, увидѣвъ глупаго юнца, достаточно предприимчиваго, чтобы вторгнуться въ квартиру ея старшей сестры, молодой вдовушки, съ которою жила, переконфузилась въ копецъ.

Тѣмъ не менѣе я былъ приглашенъ садиться, но старшая сестра какъ-то странно улыбалась. Я почувствовалъ всю неловкость своего положенія, всю глупость повода, который до вторженія казался мнѣ прекрасно придуманнымъ, а тутъ вдругъ поразилъ своею глупостью. Самолюбіе ударило въ голову и выразилось той мукой юности, проявленіемъ той несносной способности краснѣть, которую такъ проклинаетъ молодость и о потерѣ которой еще больше сожалеетъ старость, старость, лишенная этого драгоценнаго дара. О, молодость, молодость, если бы она сознавала, какъ внезапно разливающейся румянецъ украшаетъ лицо юности!

Я поспѣшилъ удалиться, упрекая себя въ содѣянной глупости. Понялъ, что меня обѣ сестры должны признать за совершеннаго болвана. Самолюбіе было оскорблено, и я сразу вылечился отъ влюбленности. Кстати же, это произошло уже на Святой, и хотя по воскресеньямъ сестры посѣщали еще нашу церковь, но по праздникамъ я уходилъ въ отпускъ и только разъ встрѣтился съ красавицей, которая вскинула на меня недоумѣвающий взглядъ. Я поклонился и поспѣшилъ обратиться въ бѣгство, а черезъ два мѣсяца былъ произведенъ въ офицеры и уѣхалъ изъ Петербурга.

Тѣмъ моя влюбленность, влюбленность 17—18-лѣтняго юноши и завершилась.

Причина, почему нашу церковь стало посѣщать хорошее общество, заключалась въ превосходномъ пѣвчѣ кадетахъ, руководимыхъ исключительно талантливымъ регентомъ, также кадетомъ. Этимъ регентомъ былъ Кондратьевъ, впоследствии пѣвецъ императорской сцены, а затѣмъ полномочный режиссеръ русской оперы.

Кондратьевъ отличался необыкновенной любовью къ своему дѣлу. И, дѣйствительно, сдѣлалъ изъ кадетскаго хора чудеса.

Его родители обладали кое-какими средствами, очень небольшими, какъ я узналъ впоследствии, но посылали ему достаточно деньжонокъ для того, чтобы онъ имѣлъ возможность угощать пѣвчихъ, особенно своихъ любимцевъ, и слѣть въ корпусъ богачомъ. Особенно баловалъ онъ одного красавчика-мальчика Кольбе, обладавшаго поразительнымъ дискантомъ, и это баловство казалось всѣмъ намъ просто подозрительнымъ. Вообще между нами, кадетами, ходили плохіе слухи относительно нравственности пѣвчихъ. Говорили, что и попивали они и вообще вели себя не Богъ знаетъ

какъ, пользуясь репетиціями-спѣвками въ отдаленныхъ помѣщеніяхъ. Быть можетъ, дурная слава имѣла и мало оснований, но фактъ былъ тотъ, что пѣвчіе вообще учились плоховато и выдающихся учениковъ между ними не было, быть можетъ, оттого, что самыя спѣвки отнимали много времени, а можетъ быть, и по той причинѣ, что, увлеченные пѣніемъ, пѣвчіе теряли вкусъ къ занятіямъ болѣе серьезнымъ и часто скучнымъ.

Самъ Кондратьевъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный, въ чемъ я особенно убѣдился впоследствии, при близкомъ съ нимъ знакомствѣ, дотянуть только до армін, т.-е. до третьяго разряда выпускныхъ послѣдняго класса: лучшіе ученики выходили въ гвардію, средніе—въ артиллерію и саперы, а послѣдніе—въ армію.

Кондратьевъ вышелъ въ армейскій кирасирскій полкъ, лѣтъ за пять до моего выпуска, но закваска, данная имъ хору пѣвчихъ, была такъ сильна, что и при выпускѣ моемъ хоръ нашихъ пѣвчихъ былъ превосходенъ и отличался въ хорошую сторону отъ всѣхъ другихъ кадетскихъ хоровъ.

Между кадетами были дѣти и юноши съ хорошими голосами, а одишъ, Базинъ, обладать удивительнымъ по красотѣ, силѣ и обаянію, высокимъ басомъ. Могу сравнить этотъ голосъ развѣ только съ бархатнымъ басомъ Багаджіоло—баса, подобнаго которому, по красотѣ звука, не слыхать во всю свою жизнь, не исключая даже и Шаляпина. Что съ нимъ, съ Базинымъ, стало—Богъ вѣсть, но если бы онъ пошелъ по своей настоящей дорогѣ, онъ, несомнѣнно, сдѣлался бы міровой извѣстностью.

У самого Кондратьева голосъ былъ, напротивъ, далеко неважный. Говорили даже, что у него совсѣмъ не было голоса. Увлеченный своими регентскими обязанностями, онъ, показывая мальчикамъ, пѣлъ и дискантомъ, и альтомъ, и теноромъ, и басомъ. Разумѣется, это отражалось на голосовыхъ связкахъ, и Кондратьева товарищи считали удивительнымъ регентомъ, но совсѣмъ безголосымъ.

Велико поэтому было мое удивленіе, когда газеты начали говорить, что въ Италіи входитъ въ славу нашъ бывший кирасирскій офицеръ Кондратьевъ, обладатель прекраснаго высокаго баса.

Страсть къ пѣнію заставила Кондратьева бросить свой кирасирскій мундиръ и ѣхать учиться въ Италію. Тамъ онъ встрѣтился съ Коммиссаржевскимъ (отцомъ Вѣры Оседоровны), впоследствии знаменитымъ теноромъ, и они начали учиться, жить и, частью, бѣдовать вмѣстѣ, о чемъ любили вспоминать впоследствии. Вмѣстѣ, кажется, пріѣхали и въ Россію.

Коммиссаржевскій сразу обворожилъ всѣхъ умѣньемъ пѣть, прекрасной игрой, красивой наружностью и, частью, конечно, красивымъ голосомъ. Кондратьевъ также имѣлъ большой успѣхъ.

Увидѣвъ его въ первый разъ на сценѣ въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, я былъ совсѣмъ пораженъ: вмѣсто козлиного, какъ мы называли голосъ его въ корпусѣ, я услышалъ высокій басъ, или, пожалуй, низкій баритонъ, не Богъ знаетъ какой красоты звука, но хорошо поставленный и по силѣ вполне отвѣчавшій неблагопріятнымъ условіямъ тогдашней Маринской сцены.

Думая, что онъ, выходявшій изъ корпуса въ то время, когда я былъ еще малышомъ, не помнитъ меня, я, встрѣчаясь иногда въ антрактахъ въ залѣ русской оперы, не подходилъ къ нему, но кто-то, не помню, насъ познакомилъ. Кондратьевъ сказалъ, что хорошо помнитъ меня, какъ мальчика, но что, конечно, не узналъ бы меня теперь, и, на правахъ одноклассника, сразу началъ мнѣ говорить ты.

Тѣмъ, однако, знакомство и ограничилось. Встрѣчались еще нѣсколько разъ, здоровались на «ты» и расходились.

IV.

Встрѣчи въ Берлинѣ.

Въ 1869 году я былъ посланъ отъ академіи генеральнаго штаба за границу для знакомства съ прусскою и французскою арміями.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, горячо отдался возложенной на меня задачѣ,—что составитъ предметъ отдѣльнаго очерка,—и порядочно скучалъ.

Днемъ ѣздишь по казармамъ, по ученьямъ, дѣлаешь оффиціальныя визиты, вечеромъ запишешь вкратцѣ видѣнное, а подѣлится живымъ словомъ—не съ кѣмъ.

Скукъ способствовало и плохое знаніе нѣмецкаго языка и нелюбовь къ нѣмцамъ вообще, какъ результатъ бываго патріотическаго настроенія кадетъ того времени,—настроенія, переходившаго далеко за предѣлы корпусныхъ стѣнъ.

И вотъ, однажды, ѣду я въ формѣ подполковника генеральнаго штаба съ полуоффиціального обѣда, на который пригласилъ меня майоръ прусскаго генеральнаго штаба баронъ Меергеймъ—ѣду по Тиргартенштрассе и вдругъ вижу Кондратьева въ обществѣ трехъ дамъ.

Не имѣть возможности перекинуться съ кѣмъ-либо русскимъ словомъ, побесѣдовать отъ сердца внѣ оффиціальныхъ отношеній съ прусскимъ военнымъ міромъ, при экспансивности моей натуры, было просто тяжело, почти невыносимо. Я страшно поэтому обрадовался, остановить извозчика и на ходу выскочилъ изъ экипажа.

Радостное оживленіе сообщилось и Кондратьеву и его дамамъ, которыя въ Берлинѣ тоже, повидимому, скучали.

Дамы были: жена Кондратьева, Марія Михайловна, дочь моего бывшего учителя словесности Михаила Борисовича Чистякова, другая — ея сестра — форменная красавица, Елизавета Михайловна, впоследствии довольно известный профессоръ пѣпія, третья — грѣшная тогда пѣвица Елизавета Андреевна Лавровская.

Радость встрѣчи съ русскими, да еще съ такою красавицей, какъ Елизавета Михайловна, которую почему-то, быть можетъ, благодаря ея высокому росту, я принялъ сначала за вдовушку, сдѣлала то, что бесѣда сразу приняла самый оживленный характеръ; скучающія дамы оживились, еще больше оживился я, и мы условились черезъ полчаса (необходимыхъ для переодѣванія въ статское платье) встрѣтиться «Подъ Липами» въ какой-то кондитерской.

Въ кондитерской сближеніе послѣдовало еще скорѣе. Кондратьевъ оказался собесѣдникомъ въ высшей степени остроумнымъ, я тоже за словомъ въ карманъ не лазилъ, чему особенно способствовало присутствіе двадцатипятилѣтней красавицы, въ которую, принимая за вдову, едва было не влюбился, несмотря на то, что только три недѣли назадъ оставилъ въ Петербургѣ молодую любимую жену. И только, когда узналъ, что величественная красавица, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, еще дѣвушка, рѣшилъ справиться съ своей дурью, и влюбленность перешла въ дружескія отношенія, с хранившіяся, какъ и съ сестрой ея, М. М. Кондратьевой, на десятки лѣтъ.

Сознаюсь въ своей вѣтрености. Смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить развѣ то, что Елизавета Михайловна была дѣйствительно очень красива, красива до такой степени, что одинъ изъ прусскихъ офицеровъ, пляившихъ на нее свои глаза, явился въ гостиницу и, прося позволенія познакомиться, прислалъ свою карточку, на которой было изображено: лейтенантъ такой-то *erste Regiment zu Fuss* (1-го пѣхотнаго полка). Онъ явился. Былъ очень корректенъ и на слѣдующій день сдѣлалъ предложеніе. Она, разумѣется, отказала, а мы долго дразнили ее тѣмъ, что плѣнила нѣмецкаго «пуфуску»

Тогда же поразила меня Лавровская. Я хорошо зналъ ее по сценѣ и былъ горячимъ ея поклонникомъ. Что она была некрасива, — это знали всѣ, но помимо отсутствія красоты я увидѣлъ крайне застѣнчивое существо, съ неловкими, пожалуй, неуклюжими манерами, скромное до преувеличенія.

«Господи, — думалось мнѣ: — да неужели же это тотъ самый Ратмиръ, съ изящными движеніями, красивымъ жестомъ, Ратмиръ, обаятельный не только по несравненному голосу, но по красотѣ всего его облика, дѣлавшаго даже неправильныя черты лица привлекательными!»

Такова сила таланта.

Да, дѣйствительно. Эта некрасивая, застѣнчивая, неловкая дѣвушка преобразалась на сценѣ какимъ-то волшебствомъ въ элегантнаго красавца-юношу. Кстати о Лавровской. Я всегда былъ большимъ меломаномъ,—хотя никогда не былъ знатокомъ музыки,—и за всю свою жизнь не помню голоса до такой степени обаятельнаго, который такъ бы трогалъ, очаровывалъ васъ, какимъ былъ голосъ Лавровской, пока она пѣла на Маріинской сценѣ, пѣла слишкомъ мало для огромнаго своего таланта, къ отчаянію многочисленныхъ его цѣнителей.

По выходѣ замужъ за князя Церетели она почему-то не сошлась въ условіяхъ съ дирекціей и поѣхала за границу, гдѣ поступила, между прочимъ, въ ученицы къ знаменитой, печальной для насъ, русскихъ, памяти (Тургеневъ), пѣвицѣ Віардо.

Возвратясь въ Петроградъ, Лавровская объявила свой концертъ. Публика хлынула послушать любимую пѣвицу. Съ трудомъ я досталъ также билетъ. Но прежней Лавровской уже не было. Это былъ голосъ растянутый, доведенный до колоратуры, съ прекрасными высокими нотами; но все обаяніе голоса, несравненная его сочность и красота звука среднихъ нотъ исчезли. Знаменитая Віардо положительно испортила тотъ несравненный даръ Божій, которымъ въ молодости владѣла и очаровывала Лавровская.

Теперь это извѣстный профессоръ пѣнія, извѣстный, увы, не только какъ прекрасный профессоръ, но въ высшей степени несдержанный, грубый съ ученицами человѣкъ, распустившій себя до того, что, какъ меня увѣряли, позволяетъ себѣ просто драться съ несчастными мученицами, стремящимися къ сценѣ, къ славѣ.

Кондратьевъ такъ же, какъ и Лавровская, крайне удивилъ меня, но удивилъ въ обратную сторону. На сценѣ игра его была груба, не интересна, онъ весь былъ какой-то деревянный; пѣлъ хорошо, несмотря на грубый матеріалъ, лишенный малѣйшаго обаянія, а актеръ былъ совсѣмъ деревянный, съ жесткими, угловатыми манерами и жестами, и нельзя было не подумать, что такъ деревянно (не подберу другого слова, которое лучше бы характеризовало его игру), плохо играть можетъ только человѣкъ неумный.

Въ жизни же онъ оказался, напротивъ, человѣкомъ не только очень умнымъ, но и въ высшей степени остроумнымъ, поразительно способнымъ копировать всякаго, мѣнять голосъ, интонаціи. Однимъ словомъ, слушая его рассказы и закулисныя сцены, передаваемые съ несравненнымъ мастерствомъ, можно было бы поручиться, что на сценѣ онъ—само оживленіе, самъ талантъ. И въ послѣдствіи мнѣ часто случалось встрѣчаться съ подобными аномаліями.

Линская, напริมѣръ, величайшая комическая актриса, какую я когда-либо зналъ, замѣченная даже Ольриджемъ и Рашелью,

ли слова, конечно, не понимавшими по-русски, великая Линская, умѣвшая въ каждой пьесѣ давать комическую старуху своего особеннаго типа и способная въ то же время изображать лица трагической складки, какъ въ «Грозѣ»,—эта самая Линская въ жизни была, какъ говорятъ, дура душой. И я лично, встрѣтясь съ ней у тогдашней премьерши Александринской сцены Е. В. Владимировой, не могъ прійти въ себя отъ изумленія и отъ комическаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня манерами и разговоромъ той самой Линской, которую, по разнообразію таланта и по уму, проявляемому ею въ обрисовкѣ каждой роли, я считалъ человѣкомъ ума самаго выдающаго.

Да, умъ и талантъ далеко не синонимы и очень часто идутъ не объ руку другъ съ другомъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

V.

Кондратьевскіе четверги и Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Сближеніе съ Кондратьевымъ и его семьей въ Берлинѣ продолжалось и въ Петербургѣ. Мы познакомили нашихъ женъ, и я сталъ постояннымъ посѣтителемъ кондратьевскихъ четверговъ.

Это были положительно самые интересные журфиксы, какіе встрѣчались мнѣ въ жизни.

Кондратьевъ, къ тому времени, оставаясь пѣвцомъ, былъ назначенъ режиссеромъ труппы и, какъ человѣкъ умный, умѣлъ прекрасно себя поставить какъ въ отношеніи директора театровъ (Всеволодскій положительно дѣлалъ все, что только угодно было Кондратьеву), такъ и въ отношеніи артистовъ.

Со всѣми выдающимися товарищами по сценѣ онъ былъ на ты, на совершенно товарищеской ногѣ, но всѣ они, новидимому, признавали его авторитетъ, какъ человѣка выдающагося ума, притомъ знатока дѣла, и съ большимъ удовольствіемъ являлись постоянными посѣтителями его четверговъ, отличавшихся самымъ искреннимъ радушіемъ и привѣтливостью хозяевъ.

Картъ не было и въ заводѣ. Велись оживленныя бесѣды, пѣвцы и пѣвицы пѣли, иногда читали литераторы, разсказывали актеры, и вечеръ заканчивался обильнымъ вкуснымъ ужиномъ при всеобщемъ оживленіи.

Достаточно сказать, что постоянными гостями были: Мельниковъ, Коммиссаржевскій, Платонова, иногда Лавровская, Павелъ Васильевъ (извѣстный комикъ серьезнаго типа, игравшій, однако, и Ивана Грознаго, и Краснова), часто Горбуновъ, наконецъ, Николай Николаевичъ Ге и Александръ Николаевичъ Сѣровъ, не пропускавшіе ни одного почти четверга.

И какъ-то сразу особенно подпалъ подъ обаяніе этихъ двухъ личностей. И мы составили маленькій триумvirъ.

Я былъ гораздо моложе ихъ. Оба они были несравненно меня содержательнѣе, по оттого ли, что я былъ самымъ жаднымъ слушателемъ, или ужъ не знаю, по какимъ другимъ причинамъ, но оба они относились ко мнѣ въ высокой степени внимательно и, если я запаздывалъ, явно выражали свою радость при моемъ появленіи. Оба они были люди въ высокой степени симпатичные, и, несмотря на то, что оба были тогда въ апогѣе своей, если не славы, то крупной извѣстности, какъ люди, несомнѣнно, очень умные и воспитанные, нисколько не давали никому этого чувствовать.

Оба они отличались при этомъ подкупающимъ благородствомъ. Такъ, помню, послѣ перваго представленія «Анжелло», оперы Цезаря Кюн, всѣ мы, прямо послѣ спектакля, отправились ужинать къ Кондратьеву. На ужинѣ присутствовали всѣ исполнители «Анжелло». Былъ также и Сѣровъ, приходившій послушать оперу своего музыкальнаго, если не врага, то неутомимаго противника, въ своихъ критическихъ статьяхъ безпощадно относившагося къ Сѣрову.

Опера вообще не понравилась, несмотря на участіе въ главной роли такого удивительнаго пѣвца, какъ Мельниковъ, и почти всѣ частью неодобрительно, а частью съ насмѣшкою отзывались какъ объ «Анжелло», такъ и о «Ратклифѣ» — оперѣ Кюн, предшествовавшей «Анжелло». Тогда поднялся Сѣровъ.

— Господа,—говоритъ онъ:—я съ вами не согласенъ.—«Анжелло», какъ и «Ратклифъ», быть можетъ, не музыкальныя драмы, онѣ, быть можетъ, не удовлетворяютъ условіямъ, которыя мы въ правѣ требовать отъ оперы, но музыка въ нихъ хорошая, не лишняя большихъ музыкальныхъ красотъ.

Такое благородство въ отношеніи къ противнику и даже врагу меня совсѣмъ покорило, и до сихъ поръ стоитъ предъ мною этотъ небольшого роста человѣкъ съ закинутыми назадъ сѣдыми волосами, съ горячей рѣчью и съ типичнымъ внѣшнимъ обликомъ художника-артиста.

Въ то время онъ писалъ «Вражью силу». «Юдишь» же и «Рогнѣда» уже были обычными операми репертуара.

Въ «Рогнѣдѣ» прекрасно исполнялъ роль странника, требующую только пѣнія, а не игры, самъ Кондратьевъ, онъ любилъ эту роль, и «Рогнѣда» шла довольно часто. Гораздо рѣже шла «Юдишь», и рѣже потому, что требовала двухъ исключительныхъ исполнителей. Не помню, кто была первой Юдишью, кажется, это была Біанки, но совершенно опредѣленно вижу передъ собой и слышу въ этой роли Меньшикову, которую немного зналъ лично — артистку съ огромнымъ голосомъ обширнаго регистра и въ жизни женщину очень умную, остроумную и большого весельчака.

Что касается Олоферна, то первымъ исполнителемъ его былъ Саріоти, обладатель великолѣпнаго, могучаго баса и прекрасный актеръ. Онъ давалъ превосходный образъ Олоферна. Конечно, какъ игра его, такъ и речитативы уступали необычайно обдуманной и вдохновенной игрѣ, такъ же какъ сочности речитативовъ, которые даетъ намъ Шаляпинъ, но по силѣ голоса послѣдній, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставленъ въ уровень съ покойнымъ Саріоти; смѣю замѣтить при этомъ, что знаменитая пѣсня Олоферна «Знойною степью идемъ» далеко не производитъ у Шаляпина того впечатлѣнія, какое производила не только въ исполненіи Саріоти, но, пожалуй, даже и Корсова.

Это происходитъ, впрочемъ, быть можетъ, оттого, что предыдущія сцены Шаляпинъ ведетъ необыкновенно ярко и, пожалуй, этой яркостью затѣняетъ могучую силу пѣсни. Меня, впрочемъ, воспитаннаго на традиціяхъ былого времени, очень огорчило и то, что Шаляпинъ не захотѣлъ повторить пѣсни, несмотря на упорные крики «bis». И, право, при огромномъ сценическомъ его дарованіи онъ сумѣлъ бы устроить новатореніе такъ, что это нисколько не повредило бы ходу драмы, какъ это и дѣлаетъ постоянно Собиновъ въ «Онѣгинѣ», въ сценѣ дуэли.

Я уже говорилъ, что А. Н. Сѣровъ работалъ въ то время, о которомъ пишу, надъ новой своей оперой «Вражья сила».

Сюжетъ оперы взятъ, какъ извѣстно, изъ пьесы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ». Только конецъ А. Н. Сѣровъ передѣлалъ: у Островскаго Петръ слышитъ церковный звонъ, и этотъ звонъ его отрезвляетъ; опера же кончается убійствомъ.

Когда Сѣровъ говорилъ о предположенномъ имъ измѣненіи сюжета комедіи Островскаго и я спросилъ его, зачѣмъ онъ хочетъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что звонъ колокола казался мнѣ, профану, хорошей темой для музыканта, А. Н. Сѣровъ отвѣчалъ, что такъ кончить, кончить по Островскому, значило бы кончить ничѣмъ: драма назрѣвала и должна была привести къ трагическому концу, а иначе «зачѣмъ бы было и огородъ городить»,—закончилъ композиторъ извѣстной русской пословицей.

И онъ, конечно, былъ правъ. Иначе конецъ напоминалъ бы французскія пьесы съ любимымъ французами благополучнымъ окончаніемъ: дѣйствіе развивается при такихъ угрожающихъ симптомахъ, что трагическій исходъ кажется неизбѣжнымъ, и тѣмъ не менѣе все распутывается къ общему удовольствію и благополучію.

Въ другую крайность впадаютъ русскіе драматурги, считающіе обязанностью кончить пьесу если не нѣсколькими смертями, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ дѣйствующихъ лицъ застрѣлить, отравить или повѣсить. Изъ двухъ крайностей, для пьесъ дюжинъ

ныхъ, каюсь, я лично предпочитаю окончанія благополучныя: уходишь изъ театра по крайней мѣрѣ безъ тяжелаго осадка на душѣ; но для серьезной музыкальной драмы окончаніе «Вражьей силы», принятое А. Н. Сѣровымъ, свидѣтельствуешь и о большомъ умѣ его, и объ огромномъ художественномъ чутьѣ.

«Вражья сила», какъ извѣстно, была поставлена уже послѣ смерти ея автора, причѣмъ послѣднее дѣйствіе оркестровалъ Римскій-Корсаковъ, да и самая музыка этого дѣйствія, какъ говорятъ, много обязана вдовѣ покойнаго; но сценаріумъ, несомнѣнно, принадлежитъ А. Н. Сѣрову, доказательствомъ чего можетъ служить вышеприведенный разговоръ о томъ, какъ слѣдуетъ окончить оперу.

Я былъ на первомъ представленіи «Вражьей силы». Кондратьевъ оказался очень хорошъ въ грубой роли Петра, не требующей ни тонкой игры, ни изящества исполненія. Прекраснымъ Еремкой показалъ себя Саріоти, совсѣмъ потерявшій къ этому времени свой замѣчательный голосъ. Онъ успѣлъ пропѣть и прожить поразительный даръ, которымъ надѣлилъ его Всевышній, въ какіе-нибудь два-три года, такъ что къ былой, коронной своей роли Олоферна ему нельзя было и близко подойти, но, какъ прекрасный актеръ, онъ сдѣлалъ изъ Еремки яркую, жизненную фигуру.

VI.

Николай Николаевичъ Ге.

Ничего не понимая въ музыкѣ, я, какъ горячій поклонникъ живописи, несравненно болѣе образа Сѣрова сохранилъ въ своей памяти бесѣды и встрѣчи съ Николаемъ Николаевичемъ Ге.

Это былъ человѣкъ свободомыслящій, по тому времени—довольно крайнихъ лѣвыхъ убѣжденій, съ лысиной во всю голову, съ горящими карими глазами и горячей, оживленной рѣчью.

Онъ былъ пріятелемъ Герцена, написалъ его портретъ, какъ и портреты многихъ писателей, которые, какъ онъ говорилъ всегда, поступаютъ послѣ его смерти въ галерею Третьякова. И свое обѣщаніе, повидимому, исполнилъ.

Человѣкъ очень большого ума, европейскаго образованія, много при томъ видѣвшій, онъ былъ въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ.

Я скажу даже, что, быть можетъ, умъ этого крупнаго художника преобладалъ надъ талантомъ.

И дѣйствительно, каждая картина его непремѣнно умно задумана, разумѣется, кромѣ програмной — «Тѣнь Самуила, являющаяся Саулу», за которую онъ получилъ золотую медаль, поѣздку за границу и надъ шаблонностью которой самъ искренно смѣялся.

Какъ человѣкъ очень умный, широко развитой, онъ нисколько не обижался замѣчаніями по поводу его картинъ и даже, напротивъ, вызывалъ ихъ. Помню, напримѣръ, появленіе его картины на сюжетъ—«Моленіе о чашѣ», названной имъ «Исусъ въ саду Геосиманскомъ».

Картина готовилась къ выставкѣ, но выставка не была еще открыта, какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я приходилъ на другой день въ академію художествъ посмотрѣть картину.

Я пошелъ.

Картина была въ отдѣльной комнатѣ и, разумѣется, не имѣла ничего общаго съ картинами прежнихъ даже очень крупныхъ художниковъ, изображавшихъ «Моленіе о чашѣ».

Какъ извѣстно, слова Спасителя: «Господи, да минуетъ меня чаша сія», трактовались такимъ образомъ: Спаситель стоялъ на колѣняхъ въ молитвенной позѣ, а надъ нимъ въ воздухѣ изображалась чаша.

Ге, какъ реалистъ, какъ человѣкъ очень большого ума, конечно, не могъ написать моленія о чашѣ по общепринятому шаблону и даже назвалъ свою картину не «Моленіемъ о чашѣ», а «Исусъ въ саду Геосиманскомъ».

Передо мною стоялъ этотъ Исусъ, склоняясь на одно колѣно, съ глубокой складкой между бровей, задумчивый, какъ будто колеблющійся. Кругомъ обступили его тысячелѣтніе стволы оливковыхъ деревьевъ, сквозь которые проливался зеленоватый лунный свѣтъ, освѣщая землю, лишенную всякой растительности.

Лицо Спасителя, Его поза, оригинальность трактованія вѣсь извѣстнаго сюжета заставляли невольно задуматься.

Въ комнатѣ я былъ абсолютно одинъ, и ничто не мѣшало сосредоточенности мысли.

Не знаю, сколько времени простоялъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя веселый, знакомый, оживленный голосъ.

— Ну, что, какъ?—говорилъ Николай Николаевичъ.—Нравится или нѣтъ?

— Конечно, хорошо,—отвѣчалъ я.

— Хорошо—этого мало. Вы скажите опредѣленнѣе ваше мнѣніе.

— Да я вамъ уже сказалъ его.

— Да нѣтъ, этого мало. Я хочу слышать ваше мнѣніе не такое односложное. Вѣдь не даромъ же вы простояли столько времени надъ картиной и не слышали даже, какъ я вошелъ въ комнату, а я, пожалуй, минутъ десять ждалъ, когда вы отойдете отъ картины. Ну, говорите же прямо. Недостатки, конечно, находите, ну, говорите, какіе?—прямо, откровенно говорите.

— Полноте, Николай Николаевичъ, за кого же вы меня при-

имаете, если полагаете, что я, профанъ, буду дѣлать замѣчанія о картинахъ такому художнику, какъ вы. Если бѣ я самъ былъ художникомъ, тогда еще, пожалуй.

— Вотъ тогда-то я и не спросилъ бы вашего мнѣнія. Художники судить обыкновенно съ точки зрѣнія своего ремесла. Стараются подловить васъ на деталяхъ. Въ прелестной картинѣ Саврасова, напримѣръ, «Грачи прилетѣли», имъ нѣтъ дѣла до прелести картины, до силы впечатлѣнія, которую она дастъ, а вотъ—тѣнь отъ забора, видите ли, неправильно положена. Онъ только это и замѣтилъ въ картинѣ. Мнѣ дорого и нужно мнѣніе не ремесленника, а интеллигентной, образованной публики. И вотъ—извольте говорить, что вы думали, стоя столько времени надъ картиной?

— Ну, думалъ, разумѣется, что сюжетъ вы трактуете очень оригинально и интересно, реально, и что послѣ вашего «Исуса въ саду Геосиманскомъ» «Моленіе о чашѣ» Брунн, хотя прекрасно написанное, можетъ казаться нѣсколько забавнымъ.

— Ну, а еще что же?

— Лицо Спасителя очень интересно, заставляетъ задуматься, наводитъ на мысли.

— Лицо вамъ нравится, значить, не весь Спаситель нравится вамъ. Ну, говорите, что не нравится?

Я попробовалъ было еще разъ избавить себя отъ неловкаго положенія—явиться судьей такого умнаго человѣка и первокласснаго художника, какъ Николай Николаевичъ, но онъ требовалъ такъ настоятельно, что пришлось уступить.

— Извольте,—сдася я.—И вотъ я начну свои замѣчанія именно съ мелочей, именно съ того, въ чемъ вы упрекаете художниковъ. Мнѣ ракурсъ ноги, на которую опирается Спаситель, кажется невѣрнымъ, какъ будто она коротка.

— Ну, нѣтъ, это вы оставьте. Вотъ видите ли,—и Николай Николаевичъ быстро подошелъ къ картинѣ, указалъ на отношеніе ноги къ туловищу и доказалъ, что я несомнѣнно ошибаюсь.—Ну, а еще?—спрашивалъ онъ съ прежнимъ оживленіемъ.

— Еще—пейзажъ мнѣ кажется какимъ-то зимнимъ. Посмотрите—нѣтъ ли одной травки. Земля совсѣмъ мертвая.

— Это тоже оставьте. Оливковый лѣсъ написанъ мною съ натуры съ рощи близъ Рима (и онъ сказалъ ея названіе). Въ вѣковыхъ оливковыхъ садахъ всегда такъ: ни одной травки вы не увидите.

— Большое спасибо, Николай Николаевичъ, что вы разъяснили мнѣ оба эти недоумѣнія, ну, а теперь, такъ какъ вы сами меня вызвали, я скажу вамъ мое твердое мнѣніе о Спасителѣ, мнѣніе, отъ котораго не отступлю.

— Ну, ну, говорите,—перебилъ Николай Николаевичъ съ прежнимъ оживленіемъ и настойчивостью.

— Зачѣмъ вы мужика-то такого здороваго сдѣлали? Вѣдь это атлетъ настоящій.

— Сынъ народа!—чуть не закричалъ убѣжденнымъ тономъ Ге.

— Да развѣ сынъ народа непременно долженъ быть мужикомъ здоровеннымъ,—разгорячился и я, входя въ свою роль, подъ впечатлѣніемъ того, что передумалъ, стоя надъ картиной.—Вѣдь это, прежде всего, человѣкъ идеи. Да развѣ народъ—всѣ здоровяки. А Христа ради юродивые, развѣ они не дѣти народа? А посмотрите на нихъ—въ чемъ душа держится. А разные угодники Божіи, а схимники, иноки? Настоящіе иноки, разумѣется, не жирные монахи. А проповѣдники-фанатики—сектанты?—И я съ горячностью, свойственной молодости и живому темпераменту, продолжалъ доказывать первоклассному художнику-реалисту неправильность трактованія имъ интереснѣйшаго сюжета.

Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, пробовалъ слабо дѣлать возраженія, но въ концѣ концовъ задумался и послѣ длинной паузы сказалъ:

— Вотъ видите, какъ я былъ правъ, требуя мнѣнія образованной, интеллигентной публики: если бы мы съ вами поговорили объ этомъ ранѣе, я написалъ бы Спасителя иначе.

Передаю этотъ эпизодъ, какъ характеризующій, по моему мнѣнію, широкую терпимость Ге, человѣка дѣйствительно высоко развитого, терпимаго къ чужому мнѣнію, даже если это мнѣніе высказывалось и не специалистомъ и человѣкомъ сравнительно очень молодымъ, — мнѣ было тогда лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

Помню еще, какъ въ оживленной бесѣдѣ по поводу его превосходной картины «Судъ царевича Алексѣя», видя веселое настроеніе Николая Николаевича, говорю ему:

— А знаете, Николай Николаевичъ, вѣдь у вашего царевича Алексѣя на лѣвой рукѣ два большихъ пальца.

— Ну, вотъ, что за вздоръ.

— Да всмотритесь хорошенько, это не я самъ замѣтилъ, а мнѣ указали. Посмотрите. Вѣдь онъ опирается на столъ мизинцемъ? Такъ вѣдь? А мизинецъ этотъ написанъ такъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе большого пальца.

Разговоръ этотъ происходилъ не передъ картиной, такъ что провѣрить замѣчаніе нельзя было немедленно, но черезъ нѣсколько дней Николай Николаевичъ встрѣтилъ меня прежде всего фразой:

— А вѣдь палецъ дѣйствительно неловко написанъ.

Не знаю, исправилъ ли онъ палецъ въ повтореніяхъ картины «Судъ царевича Алексѣя», которыхъ онъ, по настойчивымъ заказамъ, сдѣлалъ два или три, но въ первой картинѣ мизинецъ, которымъ опирается Алексѣй на столъ, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе большого пальца.

Я сказалъ, что, быть можетъ, умъ Николая Николаевича, пожалуй, даже преобладалъ надъ талантомъ художника.

Помню, по крайней мѣрѣ, нѣсколько портретовъ, написанныхъ имъ очень слабо.

Къ числу такихъ, несомнѣнно, надо отнести портретъ Володи, пятилѣтняго сына Кондратьевыхъ.

Ге хотѣлъ отблагодарить Марью Михайловну Кондратьеву за радушное гостепріимство и написалъ портретъ ея сынишки, но личико мальчика не представляло никакого интереса ни со стороны красоты, ни по выразительности, ни по оригинальности, и вышелъ блѣдный портретикъ кисло улыбающагося мальчугана, сидящаго на диванчикѣ, покрытомъ какой-то малиновой матеріей.

— Что скажете?—спрашивалъ меня Ге.

Я молчалъ.

— Что же молчите? Похожъ?

— Конечно, похожъ. Но я любопытенъ знать, Николай Николаевичъ,—замѣтилъ я шутливымъ тономъ:—какой матеріей покрытъ этотъ диванъ?

— Какой? Малиновой матеріей.

— Малиновой-то—малиновой, но что это? Бархатъ, трипъ, сукно, ситецъ наконецъ?

— Ну, что вы на глупости обращаете вниманіе. Просто малиновая матерія. Вы смотрите на портретъ, на сходство.

— Сходство-то сходствомъ, а все-таки какъ будто матерію-то надо было бы обозначить, какая такая она есть. Аксессуаръ-то, особенно художнику-реалисту, какъ будто не мѣшало бы написать пореальнѣе.

— Пожалуй, что такъ, да времени не было,—закончилъ Николай Николаевичъ, нисколько не разсердясь за шутливый тонъ, которымъ я дѣлалъ вопросы по поводу сорта малиновой матеріи.

Портретъ этотъ доставилъ вскорѣ много слезъ m-me Кондратьевой.

Материнское самолюбіе, какъ извѣстно, сильнѣйшее изъ всѣхъ авторскихъ, побудило ее послать портретъ на выставку. Работа Ге, конечно, была принята, но вскорѣ появился номеръ «Стрекозы» съ обзорѣніемъ выставки, въ которомъ значился «Портретъ работы Н. Н. Ге», изображавшій криворотата, уродливаго мальчишку и подписанный внизу: «Прелестный ребенокъ».

Мать была поражена въ самое сердце и плакала горячими слезами.

Этотъ Володя былъ премилый мальчикъ, предпочитавшій, между прочимъ, мое пѣніе вокальному искусству всѣхъ знаменитостей и корифеевъ Маринской сцены. А пѣлъ я, уступая его настоятельнымъ просьбамъ, неизмѣнно одну и ту же старинную ямщицкую пѣсню ямщиковъ давно миноваго времени:

Вдоль по Питерской,
По дороженькѣ,
По большой ямской,
Съ колокольчикомъ
Бдетъ миленькой;
Самъ на троечкѣ,
Самъ на троечкѣ
На вороненькой, и т. д.

Весь секретъ моего успѣха, какъ пѣвца, заключался въ томъ, что, сынъ кавалериста отца и особенно матери, страстной любительницы лошадей, Володя не могъ безъ восторга слышать пѣсню о «троечкѣ, о вороненькой».

Милый Володя, уже юношей, погибъ трагической смертью, очень меня огорчившей, хотя я зналъ его только ребенкомъ.

VII.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

Кромѣ пѣнія, четверги Кондратьева часто оживлялись разсказами Ивана Федоровича Горбунова и чтеніемъ разныхъ литературныхъ произведеній.

Горбуновъ приходилъ, обыкновенно, довольно поздно, послѣ театра, къ ужину и не столько разсказывалъ, сколько потѣшалъ нескончаснымъ выполненіемъ роли генерала Дитяткина.

Время унесло столько лицъ, слышавшихъ разсказы почтеннаго генерала въ лицѣ несравненнаго Ивана Федоровича, что считаю нужнымъ пояснить, какимъ образомъ эта роль выполнялась.

Обыкновенно за ужиномъ кто-нибудь, обращаясь къ Горбунову, задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, касавшійся зтобы дня, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

— Ваше превосходительство, какого вы мнѣнія о женскомъ вопросѣ?

— То-есть какъ о женскомъ вопросѣ?—отвѣчалъ Горбуновъ, принимая тонъ стараго генерала и удивительно мѣняя въ то же время свою физиономію.

— Ну, напримѣръ, о женской эмансипаціи?

И генералъ Дитяткинъ отвѣчалъ до такой степени мѣтко, забавно, что всѣ покатывались со смѣху.

Генералъ Дитяткинъ, исполняя свою роль изъ года въ годъ, чуть не изъ дня въ день,—потому что Иванъ Федоровичъ, правду сказать, любилъ-таки пображничать, и если я никогда не видалъ его пьянымъ, то почти каждый вечеръ онъ былъ немного «въ градусѣ», «подъ шефеемъ»,—несмотря на такое, почти ежедневное исполненіе роли, умѣлъ сохранить столько оригинальности въ своихъ отвѣтахъ, никогда не повторяясь, что генералъ Дитяткинъ сдѣлался

въ высшей степени популярнымъ среди интеллигентнаго и вмѣстѣ веселящагося Петербурга.

Горбунова даже заставили сняться въ военной формѣ, въ генеральскихъ эполетахъ и каскѣ николаевскихъ временъ. Такую фотографію я видѣлъ, между прочимъ, у Анатолія Ѳедоровича Кони, большого почитателя Горбунова, увѣряющаго даже, что у этого непосредственнаго юмориста самой чистой воды сквозь видимый смѣхъ слышались невидимыя слезы, съ чѣмъ я никоимъ образомъ согласиться не могу.

Я зналъ Горбунова хорошо. Для удачныхъ и интересныхъ импровизаций при выполненіи роли генерала Дитяткина требовалось непременно задавать ему вопросы съ достаточнымъ тактомъ, оживленіемъ и находчивостью, чтобы получались мѣткіе, интересные отвѣты. И вотъ на меня часто возлагали роль такого «вопрошателя». Это послужило поводомъ къ сближенію; мы сдѣлались пріятелями и при встрѣчахъ, по тогдашнему актерскому обычаю, почти всегда цѣловались.

Последній разъ, уже слыша о его болѣзни, встрѣтилъ Ивана Ѳедоровича въ конторѣ Императорскихъ театровъ, сильно похудѣвшимъ, осунувшимся.

— Ну, какъ?—«можешь ли?»—спрашиваю его извѣстной фразой изъ разговора его двухъ встрѣтившихся старухъ.

— Плохо,—отвѣчалъ онъ и передалъ подробности болѣзни.

— Ну, а насчетъ напитку какъ? Не дозволяютъ, небось?

— Да, стаканчикъ красненькаго, не больше, приказано.

— Значить, какъ госпожа Патти подносила господину Канцелярѣн (Кальцоларіи, извѣстный пѣвецъ) стаканчикъ красненькаго? ¹⁾

— Да, ужъ подобно тому,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

Черезъ полгода онъ скончался.

И, право, тому Петербургу, интеллигентному и веселящемуся, бесѣды котораго такъ оживляли своимъ присутствіемъ и несравненнымъ юморомъ Иванъ Ѳедоровичъ, этотъ самообытный талантъ, слѣдовало бы, если не поставить памятника, то выразить чѣмъ-нибудь, устроить что-нибудь незабываемое, чтобы имя этого человека не слишкомъ скоро упало въ бездну забвенія.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, несравненный рассказчикъ, творецъ особаго жанра въ этомъ родѣ, человекъ необычайной наблюдательности, подмѣчавшій нюансы, оттѣнки, самые мелкіе, но характерные, ускользавшіе отъ вниманія людей обыкновенныхъ, человекъ способностей прямо-таки творческихъ, былъ актеромъ крайне посредственнымъ, пожалуй, даже плохимъ и изъ всего его об-

¹⁾ Изъ извѣстнаго разсказа Горбунова «Травіата».

ширнаго репертуара можно назвать только двѣ-три роли, въ которыхъ онъ былъ положительно хорошъ, какъ, напримѣръ, въ «Не все коту масляница», да въ «Грозѣ»—Кудряша.

Божій даръ—свою огромную наблюдательность—Горбуновъ не закапывалъ, однако, въ землю, а съ любовью культивировалъ.

Помню забавную сцену, какъ Горбуновъ съ Коммиссаржевскимъ рассказывали о своемъ совмѣстномъ артистическомъ путешествіи. Горбуновъ говорилъ:

— Стою я у кассы. Подходить элегантная дама. «Правда, что будетъ пѣть въ концертѣ Коммиссаржевскій?» (При этомъ Горбуновъ крайне забавно мѣняетъ свой голосъ на дамскій, томный).—Правда-съ.—«Настоящій?»—Конечно, настоящій, какъ въ афишѣ сказано.—«Дайте намъ два билета перваго ряда». Подходятъ двѣ чуйки.—«Горбуновъ будетъ рассказывать?»—Будетъ.—«Настоящій—Иванъ Ѳедоровъ?»—Иванъ Ѳедорычъ.—«Давайте десять билетовъ дешевле чего получить невозможно». На меня чуйка шла, а на Коммиссаржевскаго—дама,—заканчивалъ Горбуновъ съ тѣмъ неподражаемымъ юморомъ въ тонѣ и въ интонаціяхъ, которые заставляли смѣяться до упаду, слушая его рассказы, собственно говоря, ничего особеннаго не представляющіе, какъ и вышеприведенный, да и какъ всѣ почти рассказы Горбунова, имѣвшіе такой колоссальный успѣхъ при его исполненіи и страшно теряющіе въ печати.

— Нѣтъ, послушайте про него,—перебилъ его Коммиссаржевскій, тоже не лишенный нотки юмора.—Ѣдемъ мы въ вагонъ; на дворѣ метель, въ вагонѣ жара отъ натопленной желѣзной печи. Горбуновъ сидитъ, однако, въ своей енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и какъ будто дремлетъ, но на каждой станціи съ буфетомъ выходитъ изъ вагона. Меня это заинтриговало. Вышелъ и я прослѣдить за нимъ. Оказывается, что онъ сторожитъ двухъ пассажировъ третьяго класса. Оба они направляются въ буфетъ: благообразный попикъ тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ у стойки буфета: «Осетровый балычекъ есть?»—Нѣту.—«Вотъ и напрасно, а то бы я маленькую рюмочку выпилъ».—Другой пассажиръ, несмотря на метель и вьюгу, въ одномъ, крайне поношенномъ, синемъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, сѣдой, высокаго роста, съ всклокоченными волосами, трагическаго вида, при самомъ входѣ въ буфетъ третьяго класса, уже кричитъ громкимъ басомъ: «Большую! Большую! Большую!»—И залпомъ выпиваетъ ее, только понюхавъ на закуску корочку чернаго хлѣба.

«И такъ на каждой станціи, гдѣ былъ хотя маленькій буфетъ, Иванъ Ѳедоровичъ въ своей еноткѣ неутомимо выслѣживалъ этихъ двухъ пассажировъ и не лѣнился выходить для нихъ на каждой станціи».

Кромѣ природной способности къ наблюдательности, развитой Горбуновымъ съ любовью чисто-спортивной, онъ отличался огромной любознательностью, что при замѣчательной памяти дѣлало его человѣкомъ самыхъ разностороннихъ свѣдѣній.

Помню случай, едва ли не изъ перваго знакомства моего съ Горбуновымъ.

Извѣстная компанія интеллигентныхъ людей, кутившихъ крайне рѣдко, собиралась, однако, разъ въ зиму на дорогой, но вполне приличный пикникъ къ модному тогда Дороту, державшему прекрасный ресторанъ съ зимнимъ садомъ за Нарвскими воротами. Участвовавшіе въ пикникѣ почти сплошь были молоды, почти всѣ женаты, и почти всѣ жены были молоды и интересны.

Денегъ на пикникъ не жалѣли, шампанское лилось рѣкой, приглашали цыганъ. Разъ одинъ изъ участниковъ пообѣщаль привезти Горбунова и исполнилъ свое обѣщаніе.

На удалыхъ тройкахъ, возившихъ тогда не умѣренной рысцой, какъ теперь, а съ быстротой почти равной автомобильной, въ три часа со сборнаго пункта отправились къ Дороту, гдѣ компанію уже ожидалъ не то завтракъ, не то обѣдъ (*déjeuner dînatoire*, какъ удачно выражаются французы)...

За Горбуновымъ, разумѣется, всѣ ухаживали, и онъ, даже безъ всякой просьбы, вслѣдъ за жаркимъ началъ рассказывать. Восторгъ былъ общій. Молодые барыни пили его здоровье, подходили къ нему, чуть не цѣловались; но завтракъ кончился, таперъ заигралъ вальсъ, и всѣ пустились танцевать.

Танцы, подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, были самые оживленные, танцовали, какъ говорится, до упаду. Часа черезъ три, чтобы передохнуть, я зашелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ было поставлено два карточныхъ стола. За однимъ сидѣли четверо наиболѣе солидныхъ участниковъ пикника, уже переставшихъ увлекаться танцами, за другимъ—грустный, всѣми забытый, сидѣлъ Горбуновъ, еще такъ недавно бывший предметомъ восторженныхъ овацій.

Мнѣ стало жаль его.

«Какъ же это такъ, всѣ забыли его,—подумалъ я.—Вѣдь это даже не деликатно».

И я присѣлъ къ столу.

Началъ «занимать» его. Завелъ разговоръ о театрѣ, объ артистахъ, какъ вдругъ онъ, пользуясь маленькимъ перерывомъ, говоритъ:

— Вотъ вы офицеръ генеральнаго штаба и, павѣрное, хорошо освѣдомлены о пастоящей войнѣ (это было какъ разъ въ разгаръ франко-прусской войны и осады Меца). Поясните мнѣ...

И онъ началъ задавать вопросы, касающіеся войны, да такъ толково, съ такою искренностью тона, доказывающею, что опы-

спрашиваетъ не для поддержанія разговора, а дѣйствительно интересуется, что я для того, чтобы отвѣты мои привести въ нѣкоторую систему, взялъ тутъ же лежащій мѣлъ, начертилъ схематически карту и рассказалъ ему въ популярномъ, конечно, изложеніи, но систематически, весь ходъ кампаніи, не исключая, конечно, великолѣпной, съ точки зрѣнія стратегической, Седанской операціи.

Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ крайне внимательно и искренно благодарилъ.

Лекція продолжалась съ полчаса, не болѣе, потому что даромъ популярнаго изложенія я когда-то обладалъ вполне. Меня потащили танцевать, и я ушелъ, сдавъ Ивана Ѳедоровича на руки кому-то другому.

За ужиномъ онъ, разумѣется, опять явился триумфаторомъ. Пикникъ затянулся. Много пѣли цыгане. Было дѣйствительно весело. Разъѣхались далеко за полночь, и, вспоминая часто рассказы Горбунова въ этотъ вечеръ, я, разумѣется, совершенно забылъ о бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ.

Прошло съ годъ времени. Встрѣчался съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, но всегда въ большомъ обществѣ и не надолго. И вотъ опять пришлось какъ-то остаться съ нимъ вдвоемъ.

— А знаете, полковникъ,—говорилъ онъ:—какъ я вамъ благодаренъ за разъясненіе мнѣ франко-прусской войны. Вѣдь я и раньше слѣдилъ за ней по газетамъ, но все какъ-то неясно было. А вы на картѣ такъ это все систематично, выпукло и доказательно мнѣ разъяснили, что теперь я войну эту понимаю.

— Ну, полноте, Иванъ Ѳедоровичъ, вы, конечно, давно ужъ и забыли, что наболталъ я вамъ на веселомъ пикникѣ.

— Напрасно. Хотите, я повторю вамъ все то, что вы мнѣ рассказали?

— Ну, вотъ, зачѣмъ же мнѣ экзаменовать васъ?—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Нѣтъ, я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, такъ вотъ, послушайте.

Онъ взялъ карандашъ, листъ бумаги, сдѣлалъ схематическій чертежъ и почти дословно повторилъ импровизированную лекцію, прослушанную годъ тому назадъ. Понятно, что моя недовѣрчивая улыбка уступила мѣсто крайнему изумленію.

Благодаря своей любознательности, памяти и способности схватывать стиль рѣчи и звуковыя особенности, Горбуновъ, какъ извѣстно, могъ писать до неузнаваемости слогомъ русскихъ людей XVII вѣка и говорить рѣчи по-англійски, не зная двухъ словъ на этомъ языкѣ.

Такъ, когда на какомъ-то банкетѣ онъ передавалъ рѣчь американца Фохта, посланнаго въ Россію дружественной намъ тогда Сѣверной Америкой, присутствовавшій на обѣдѣ англичанинъ

очень внимательно вслушивался въ рѣчь и выразилъ удивленіе, что хотя ораторъ, несомнѣнно, говорилъ по-англійски, онъ, англичанинъ, не понялъ содержанія рѣчи.

Точно такъ же кто-то прочиталъ извѣстному знатоку старой русской письменности, Павлу Ивановичу Савваитову, донесеніе царю горбуновскаго боярина о путешествіи его по Германіи въ XVII вѣкѣ, заключавшее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменная, растетъ на ней лѣсъ, нечастый. И у котораго человѣка нутро болитъ, али утинтъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ, и ту живую воду пить велятъ и въ той водѣ сидѣть. А люди Московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье нью еженъ. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунда пушаетъ:—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество—иныхъ государствъ люди—и жида, и езовиты, и жонки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди, и кладутъ тому нѣмчину золотыя амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почаству. А въ сѣняхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на струментахъ и на свирѣляхъ—на искушеніе».

Вслушавъ внимательно донесеніе боярина, Павелъ Ивановичъ Савваитовъ выразилъ изумленіе, что рулетка существовала въ Германіи уже въ XVII вѣкѣ, никакъ не предполагая, что предъявленная ему якобы копія манускрипта не болѣе, какъ шутка Ивана Ѳедоровича.

VIII.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

У Кондратьева же я познакомился съ братьями Потѣхиными и съ однимъ изъ нихъ, Алексѣемъ Антиповичемъ, былъ впоследствии знакомъ довольно близко, бывалъ у него, и онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ялту.

Это былъ, несомнѣнно, даровитый писатель изъ плеяды для того времени второстепенныхъ талантовъ, уступавшихъ первыя мѣста такимъ колоссамъ, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Островскій и, пожалуй, даже Гончаровъ, но представляющихъ собою также величины колоссальныя въ сравненіи съ современными корифеями литературы. Да простятъ мнѣ писатели современные, но, какъ хотите, настоящая литература, не исключая даже Чехова и великаго Максима, не даетъ ни одного имени, которое могло

бы идти въ параллель съ именами не только Гончарова, но и Писемскаго, Григоровича, Алексѣя Потѣхина, Андрея Печерскаго, наконецъ графа Саліаса, какъ автора прелестныхъ вещей—въ родѣ «Los novios» и особенно мало оцѣненныхъ «Пугачевцевъ»—пока нужда не заставила его фабриковать историческіе романы.

Но и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный и даровитый, представлялъ собою аномалію. Онъ, талантливый романистъ и писатель для сцены, не обладалъ, по моему, вкусомъ, ни въ смыслѣ литературномъ, ни сценическомъ. И, между тѣмъ, его поставили во главѣ образцоваго императорскаго драматическаго театра.

Помню, напримѣръ, какъ онъ превосходно читалъ у Кондратьева отрывки изъ своихъ сочиненій; но разъ, на просьбы прочесть что-нибудь, онъ отвѣчалъ, что не захватилъ съ собою ничего имъ написаннаго. Зная въ немъ исключительнаго чтеца, начали просить, чтобы онъ прочелъ что-нибудь, хотя не свое, ну, хотя бы изъ Гоголя. Онъ согласился и выбралъ сцену у генерала Ветрищева.

Тонъ генерала былъ взятъ невѣрно, да вѣрности тона мѣшало и свойство голоса Алексѣя Антипыча, лишеннаго звучности и низкихъ нотъ. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ сошелъ лучше, но каково было удивленіе мое, когда Улинька явилась какой-то жеманной, манерной, провинціальной барышней-тараторкой. Я взглянулъ на т-ше Кондратьеву, человѣка литературно-развитаго, и увидѣлъ удивленные большіе глаза, смотрящіе вопрошительно на меня.

— Господи, какой позоръ!—шепнула она мнѣ, когда чтеніе кончилось.

Въ томъ же, что почтеннѣйшій, уважаемый мною Алексѣй Антиповичъ не обладалъ вкусомъ при оцѣнкѣ сценическихъ дѣятелей, я убѣдился, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ репертуара Александринскаго театра.

Послѣ «Безприданницы», напримѣръ, въ которой прославленный въ этой роли московскій Ленскій, по моему, далеко не давалъ даже по своей фигурѣ крупнаго образа обаятельнаго волгара Паратова,—Потѣхинъ говорилъ, что Сазоновъ, въ роли жёниха безприданницы, никуда не годился.

— Позвольте, Алексѣй Антипычъ,—возражалъ я.—По моему, Сазоновъ игралъ просто безукоризненно. Лучше, обдуманнѣе дать образъ этого ничтожнаго человѣчишки—просто невозможно. Какъ же вы хотите, чтобы онъ поставилъ эту роль? По моему, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ деталяхъ, онъ сыгралъ безукоризненно.

Потѣхинъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, по, къ чести его, мнѣніе свое о Н. О. Сазоновѣ перемѣнилъ.

Онъ зналъ во мнѣ человѣка, любящаго сцену, понимающаго ее, слышалъ, что я самъ былъ выдающимся актеромъ на любитель-

скихъ спектакляхъ и, въ послѣдствіи, часто спрашивалъ моего мнѣнія о пьесѣ и объ исполнителяхъ.

Помню, съ какимъ восторгомъ, посѣтивъ меня въ Ялтѣ, онъ говорилъ о томъ, что приобрѣлъ двухъ замѣчательныхъ артистовъ—Свободина и Далматова.

Свободинъ, безъ сомнѣнія, былъ актеръ очень полезный, умный, но большой талантливости я въ немъ не находилъ. Что касается В. П. Далматова, то хотя я зналъ его лично и очень любилъ, но, отдавая должную дань его даровитости, нельзя не признать, что это былъ актеръ не ровный и неестественнаго тона, когда брался играть трагическія роли, повидимому, особенно близкія его сердцу.

— Ну, Александръ Николаевичъ,—говорилъ мнѣ, пріѣхавъ однажды, Алексѣй Антипычъ.—Вотъ приобрѣлъ актера. Просто удивительный. Приходите, непременно приходите, онъ будетъ на дняхъ дебютировать въ «Уріэль-Акостѣ». Да вы должны его знать. Это бывшій пѣвецъ Самусь. Онъ бросаетъ оперу и переходитъ къ намъ въ драму. Вотъ это актеръ, просто поразительный,—повторялъ еще разъ Алексѣй Антипычъ.

Я, разумѣется, пошелъ, и, какъ театраль самый искренній, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Уріэль-Акосты.

И вотъ онъ появился—необыкновенно красивый, особенно на сценѣ, стройный, изящный, съ чарующимъ голосомъ.

Но голосъ этотъ, при всей его красотѣ, нисколько васъ не трогалъ, не проникалъ въ душу, не шелъ дальше барабанной перепонки. Чувствовалось до очевидности, что человѣкъ не трогается тѣмъ, что ему говорятъ,—что говоритъ онъ самъ; чувствовалось съ несомнѣнностью, что актеръ хорошо выучилъ свою роль и играетъ, только играетъ, не преображаясь въ изображаемое лицо, не проникаясь тѣми волненіями, о которыхъ говорить, говорить безучастно, заученно, шаблонно.

Разочарованіе усиливала походка, жесты—какъ то, такъ и другое—неестественные, ходульные, указывающіе на вліяніе итальянскихъ оперныхъ пѣвцовъ былаго времени, какъ, напримѣръ, Тамберлика, чарующее, поднимающее пѣніе котораго шло такъ въ разрѣзъ съ ходульной походкой. Но тамъ, благодаря чудному голосу и музыкѣ, ходульная походка отходила въ сторону, въ драмѣ же она была въ глаза и ударяла даже по нервамъ.

Въ антрактѣ пошелъ за кулисы. Потѣхинъ былъ въ уборной Самуся и хлопоталъ около него.

— Ну, что, какъ?—говорилъ онъ, когда мы оставили уборную.

— Чудный голосъ,—отвѣчалъ я, не желая его разочаровывать во время спектакля.

— Правда? А играетъ-то какъ!—восторженно говорилъ Алексѣй Антиповичъ.—Громадный, громадный талантъ.

— Я къ вамъ заѣду завтра, и мы подѣлимся впечатлѣніями,— отвѣчалъ я.

И на другой день высказалъ ему совершенно опредѣленно свое мнѣніе.

Онъ былъ пораженъ, пробовалъ спорить, далъ Самусю еще одинъ дебютъ. Не помню, принялъ ли его въ труппу, но, какъ полнѣйшая бездарность, Самусь не пошелъ дальше и кончилъ свою карьеру профессоромъ пѣнія, какъ мнѣ говорили, очень хорошимъ.

Меня поражало также, какъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный и даровитый, Алексѣй Антипычъ не сумѣлъ себя поставить въ труппѣ, руководить которой былъ призванъ: искать популярности, цѣловался съ половиной актеровъ при встрѣчѣ, вообще «игралъ въ товарища» и, несмотря на это, или, вѣрнѣе, именно поэтому, актеры его не любили. И совершенно естественно, потому что начальникъ непременно долженъ держать себя,—не важничая, конечно, не позволяя себѣ, конечно, грубостей,—на извѣстной высотѣ: быть ровнымъ, спокойнымъ, не нервничать, быть внимательнымъ къ просьбамъ и въ то же время чуждымъ поблажекъ. При товарищескихъ же, или, вѣрнѣе, псевдо-товарищескихъ отношеніяхъ,—отношеніяхъ, прежде всего лишенныхъ искренности,—держать себя указаннымъ образомъ просто невозможно.

IX.

Александръ Николаевичъ Островскій и Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій въ разсказахъ Писарева.

Одновременно съ назначеніемъ въ Петербургѣ Потѣхина въ Москвѣ драматическая труппа поступила въ вѣдѣніе Александра Николаевича Острова. Дирекціей Императорскихъ театровъ рѣшено было, повидимому, влить новое вино въ старые мѣха, и во главѣ обѣихъ труппъ—въ Петербургѣ и въ Москвѣ—поставить двухъ самыхъ выдававшихся въ то время драматическихъ писателей. Но оказалось, какъ это можно было предвидѣть заранѣе, что быть талантливымъ драматургомъ и хорошимъ, толковымъ администраторомъ и даже цѣнителемъ сцены—двѣ вещи совершенно различныя, требующія способностей, очень рѣдко укладывающихся въ одномъ и томъ же человѣкѣ: выборъ Острова также былъ неудаченъ, и вскорѣ онъ самъ отказался отъ роли начальника репертуара въ Москвѣ, оставивъ о себѣ закулисную память въ самыхъ разнообразныхъ анекдотахъ, рисующихъ оригинальную личность этого даровитѣйшаго изъ нашихъ драматурговъ, на смѣну произведеніямъ котораго, увѣ, пошли разныя «Анатемы» и «Жизни человѣка».

Александра Николаевича Островскаго лично я не зналъ вовсе, хотя переписывался съ нимъ отъ лица премьерши труппы, ставившей въ свой бенефисъ его «Сонъ на Волгѣ». Но я слышалъ нескончаемые о немъ рассказы, какъ и о Писемскомъ, отъ Писарева, извѣстнаго трагическаго актера, мужа гремѣвшей въ свое время на всю Россію необычайно сильной трагической актрисы Стрепетовой.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкомъ очень умнымъ, образованнымъ и замѣчательнымъ знатокомъ драматической литературы, не только русской, но и западно-европейской.

Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но страсть къ театру побуждала его бросить все и идти на сцену.

У него были всѣ данныя для трагическаго актера: высокій ростъ, крупная, красивая фигура, тонкія черты выразительнаго лица, прекрасный голосъ съ сочными, нижними нотами, наконецъ—умъ и образованіе; но искры Божіей, таланта, священнаго огня—въ немъ не было, и, кромѣ того, когда я увидѣлъ его поступившимъ на императорскую сцену, въ немъ уже проглядывалъ актеръ провинціальныи, не тонкій, грубоватый, рубившій къ тому же свою рѣчь. И, тѣмъ не менѣе, въ сильныхъ мѣстахъ онъ производилъ большое впечатлѣніе.

Писаревъ, какъ одинъ изъ главныхъ исполнителей пьесъ Александра Николаевича Островскаго и «Горькой судьбины» Писемскаго, былъ очень близокъ съ ними обоими.

Оба эти крупные писатели, отличаясь выдающимся умомъ, а Островскій—и громаднымъ талантомъ, были большими оригиналами. Всѣхъ анекдотовъ о нихъ я, конечно, не помню, но вотъ нѣсколько, на выдержку.

Островскій совсѣмъ не зналъ языковъ и поѣхалъ за границу вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ, не имѣвшимъ также претензій на лингвиста.

Бѣдствовали они изъ-за незнанія языка въ Германіи. Встрѣтившійся пріятель, однако, тамъ ихъ вызволилъ.

— Но какъ же мы будемъ въ Парижѣ?—спрашиваетъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь тамъ не нѣмцы,—французы, а французы-то, чай, слышалъ, и говорятъ по-французски, а французскій-то языкъ мой родной,—увѣрялъ Александръ Николаевичъ.

— Только выходимъ мы на границѣ къ таможенѣ—разсказывалъ Горбуновъ—я и говорю ему: Александръ Николаевичъ, спроси же, куда намъ идти. Вѣдь по-французски ты говоришь хорошо.

— Чудакъ человѣкъ,—отвѣчалъ онъ:—какъ же я буду съ нимъ говорить по-французски, когда, ты видишь, у меня саквояжъ въ рукахъ?

Оказалось, что и по-французски Александръ Николаевичъ го-

ворилъ такъ же, какъ по-нѣмецки, что послужило темою многихъ забавныхъ разсказовъ И. Ѳ. Горбунова.

Александръ Николаевичъ былъ очень не прочь пропустить рюмочку-другую; но въ виду болѣзни печени врачи запретили ему это невинное удовольствіе.

— Пріѣзжаю я разъ къ нему въ имѣніе — разсказывалъ Писаревъ. — Предъ обѣдомъ угощаетъ онъ меня закуской и наливаетъ рюмку. А себѣ-то? — спрашиваю я. — «Нѣтъ, батюшка, мнѣ запрещено. Строго запретили врачи». — Да какъ же я одинъ пить буду? Это какъ-то неловко, — говорю я, наливая ему рюмку. — «Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, не буду. Запрещено». — Да неужто отъ одной заболѣте? Вѣдь по одной только выпьемъ. — «Ну, развѣ по одной». Выпили. «А ну-ка, по другой, безъ интервала!» — говоритъ Александръ Николаевичъ. — А тамъ пошло и по третьей, и по четвертой.

Когда болѣзнь печени вынудила врачей строго запретить ему потребленіе русскаго напитка, на которомъ зиждилось еще такъ недавно благосостояніе отечественнаго бюджета, жена, ухаживавшая за Александромъ Николаевичемъ, какъ за взрослымъ ребенкомъ, изгнала въ усадьбѣ, гдѣ они жили, напитки вовсе.

Пріѣзжаетъ къ нему какой-то актеръ.

Принимаютъ его очень радушно, кормятъ обильнымъ столомъ, но водки — ни рюмки.

Заскучалъ актеръ и рано утромъ отправился въ сосѣднее село, версты за три, гдѣ, какъ онъ узналъ, была благодатная «продажа питей». И вотъ, предъ обѣдомъ, говоритъ Александру Николаевичу:

— Пройдемте-ка, Александръ Николаевичъ, въ мою комнату на минутку.

Идутъ.

Входятъ. Актеръ беретъ стаканъ, беретъ рукомойникъ и наполняетъ изъ него стаканъ.

— Пожалуйте, Александръ Николаевичъ, откушайте.

— Да что вы, что вы, батюшка. Я этой гадости никогда не пью и послѣ обѣда, а тутъ передъ обѣдомъ воду пить.

— Нѣтъ, да вы попробуйте.

Александръ Николаевичъ попробовалъ и, выпивъ залпомъ, съ восторгомъ замѣтилъ:

— Да вѣдь какъ остроумно!

Жена стала замѣчать, что, хотя водки не было въ домѣ ни рюмки, Александръ Николаевичъ въ самомъ началѣ обѣда уже нѣсколько дней является благодушно настроеннымъ. Велѣла осмотрѣть комнату актера, поискать бутылки, — ничего не оказывается. Вошла сама въ отсутствіе, конечно, гостя и, проходя мимо умывальника, тонкимъ обоняніемъ почуяла блаженный запахъ. Оказалось,

что «остроумный» актеръ приносилъ ежедневно водку, наполнялъ ею рукомыльникъ, а бутылку выбрасывалъ въ саду.

Говорить ли, что, какъ ни было «остроумно» изобрѣтеніе, ему былъ положенъ конецъ.

Другой оригиналъ, человѣкъ огромнаго ума и педюжиннаго таланта, Алексѣй Оеофилактовичъ Писемскій былъ извѣстенъ, какъ циникъ, не стѣснявшійся въ выраженіяхъ и, несмотря на университетское и вообще большое образованіе, говорившій языкомъ своего родного костромскаго мужика съ сильнымъ удареніемъ на «о».

Характеризуя всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, какъ людей большого ума, я не боюсь, однако, впасть въ однообразіе при оцѣнкѣ этихъ личностей, потому что дѣйствительно это были, несомнѣнно, умные люди, а иначе не стоило бы и говорить о нихъ, но А. О. Писемскій, по отзывамъ Писарева и Анатолія Оедоровича Кони, особенно выдѣлялся своимъ мѣткимъ, чисто-русскимъ умомъ и образностью рѣчи своей, причемъ нимало не стѣнялся въ выраженіяхъ, которыя въ устахъ другого были бы совсѣмъ недопустимы.

— Приходимъ мы, только что поженившись, съ Полиной Антиповной (Стрепетовой) къ Писемскому, — рассказывалъ Писаревъ. — (Замѣчу въ скобкахъ, что ихъ обоихъ очень цѣнилъ Писемскій, какъ главныхъ исполнителей своей прекрасной пьесы «Горькая судьбина», десятки лѣтъ державшейся въ репертуарѣ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ). — Здравствуйте, — встрѣчаетъ насъ Писемскій. — Проздравляю. Любитесь, чай, спервоначалу-то. Только трагической актрисѣ жить такъ нельзя. — «А какъ же, Алексѣй Оеофилактовичъ?» спрашиваетъ Стрепетова. «Какъ же? О Рашели-то, чай, слыхали? Любовника бѣ себѣ завели. А мало, — такъ двухъ. Да чтобъ прощальга какой попался, да увезъ бы васъ верстъ за сто отъ губернскаго-то города, да бросилъ бы на постояломъ дворѣ, аль середь дороги. Да оттедова Христовымъ именемъ пришлось бы добратся до города. Ну, вотъ, тогда, конечно, поняли бы трагическія положенія. А то такъ-то што? Живете, какъ голубки, какъ же вамъ понять трагическія положенія?»

И это внушалось молодоженамъ совершенно серьезнымъ тономъ.

Уморительно передавалъ Писаревъ, какъ ѣздилъ Писемскій по Москвѣ, сажая лицомъ къ себѣ «дѣвку Акульку» съ раскрытымъ во всякую погоду зонтикомъ, на обязанности которой лежало «пужать» зонтикомъ встрѣчныхъ или объѣзжающихъ близко лошадей.

«Пужай ее, пужай!» приказывалъ онъ.

Писемскій, какъ сказано, говорилъ на манеръ своего родного костромскаго мужика, съ сильнымъ удареніемъ на «о».

— Прихожу я разъ къ нему,—разсказываль Писаревъ, а отъ него выходитъ Николай Александровичъ Чаевъ. «Что это?—говорить Писемскій.—Николай-отъ Александровичъ, человѣкъ вѣдь какой образованный, университетскій, а говоритъ-то, что твой мужикъ костромской».—Да ужъ это всѣ костромичи говорятъ такъ,—заступился я за Чаева.—«Что вы, что вы, батюшка,—замахаль руками Писемскій, по обыкновенію сильно напирая на «о».—Да вѣдь я-то костромичъ-отъ, природный, а говорю-то, слава Тѣ, Господи».

— Въ другой разъ прихожу,—продолжалъ Писаревъ,—и спрашиваю: что пишете, Алексѣй Теофилактовичъ? «Да что писать-то? Ничего не пишу».—Какъ же? Ну, романъ писали бы.—«Какой ужъ тутъ романъ. Старъ сталъ, чтобы романы писать».—Отчего стары? Вѣдь вотъ Иванъ Сергѣевичъ (Тургеневъ), пожалуй, постарше васъ будетъ, а пишетъ же романы.—«Да, Иванъ Сергѣевъ, точно, годамъ двумя-тремя постарше будетъ, да вѣдь онъ еще съ бабамъ возится, такъ ему романы-то писать можно, а меня-то ужъ грѣхъ-отъ оставилъ».

И такъ далѣе, забавные рассказы Писарева о Писемскомъ были нескончаемы.

Оставляя ихъ въ сторонѣ, считаю нужнымъ передать то, что, говорилъ Писемскій о своей всѣмъ извѣстной «Горькой судьбинѣ»:

«Она-то, Дарья,—гуляща баба, а баринъ—дуракъ вѣдь круглый. Ну, какъ же не дуракъ, коли мужику-то да дуэль предлагаетъ? Ананій Яковлевъ—разбойникъ, сущій разбойникъ. У меня и пьеса-то кончалась такъ, что Ананій барскую усадьбу сожегъ, пожаромъ такъ и кончалась, а Мартыновъ (извѣстный актеръ) говорить: «Не такъ, Алексѣй Теофилактовичъ,—закончи на примиреніи, покаяніи». И самъ я увидѣлъ, что такъ лучше. Вонъ говорили про Мартынова, что дуракъ да дуракъ, анъ онъ не дуракъ былъ, а во какой совѣтъ далъ».

Такимъ образомъ, по сознанію самого Писемскаго, «Горькая судьбина» обязана своимъ прекраснымъ окончаніемъ тонкому художественному чутью Мартынова.

Александръ Витмеръ.

